

Когда они снова вернулись в резиденцию, луна уже висела на верхушках деревьев, а ворота резиденции великого наставника были наглухо заперты. Третий принц не стал тратить время на формальности, проник в боковую комнату и отыскал ту самую птицу, что подстрелил Му Сюэши.

Собираясь уже уходить, он вдруг задержал взгляд на одежде, сложенной в углу комнаты. Это была та самая одежда, что Му Сюэши носил до заключения в тюрьму. Комната, где он жил, была до неприличия простой: лежанка, складной стул, тёмная ширма — больше ничего.

Именно здесь Третий принц когда-то отдал приказ арестовать Му Сюэши и заставил его раздеться догола у себя на глазах, прежде чем надеть арестантскую робу. А Му Сюэши, не выразив ни единой эмоции, снял с себя одежды и облачился в поношенную робу.

Вспоминая это, Третий принц поймал себя на мысли, что образ прежнего Му Сюэши стал как-то смутным, расплывчатым. А нынешний Му Сюэши, о котором он теперь думал, с какой-то странной иллюзией воспринимался как совершенно иное существо. Будь то в маске или с открытым лицом, Третий принц не мог связать его с тем Му Сюэши, что был прежде.

Помедлив мгновение, Третий принц взял одежду и бесшумно покинул комнату.

Ночь опустилась на землю, в тёмно-синем небе угасали последние звёзды, луна, прячась в редких облаках, то появлялась, то исчезала, и нельзя было разобрать, полная она или ущербная. Му Сюэши сидел на корточках на том же месте, что и вчера, не отрывая глаз от земли.

Засидевшись в одной позе, он менял положение, разворачивался в другую сторону и снова вглядывался. Изредка в ночи раздавался птичий крик, и Му Сюэши весь покрывался мурашками; он затыкал уши двумя длинными пальцами, чтобы не отвлекаться.

Длинные ресницы, словно веер-полумесяц, лежали на его веках, а большие глаза, переливающиеся в ночи всеми цветами, то открывались, то закрывались в такт луне, скользящей меж облаков. Он зевнул раз двадцать, но нигде не было и намёка на распускающийся цветок. Пятнадцатое число уже приближалось, и если орхидея-иволга не зацветёт в этот раз, болезнь Третьего принца, возможно, затянется ещё на целый месяц.

При этой мысли только что сомкнувшиеся веки Му Сюэши снова распахнулись, и он заставил себя собраться. Он огляделся, надеясь отыскать что-нибудь занятное, что отвлекло бы его, но в итоге обнаружил: во всём дворе, кроме вытянувшихся в струнку стражников, всё живое и неживое пребывало в состоянии покоя.

«Ладно, лучше подумать о сегодняшнем деле», — решил он. Почему великий наставник не шевелился, когда его сжигали? Третий принц говорил, что перед этим он не был мёртв. Если не сопротивлялся, значит, был без сознания или под действием снотворного. Но Третий принц также утверждал, что тот не был отравлен, да и следов побоев на теле не было.

«Значит, его обездвижили с помощью наложения точек! — озарило его. — Да, это наиболее вероятно! Если так, нужно просто выяснить, кто в то время заходил к нему в комнату. Но, судя по словам слуг, только хозяин этого тела, то есть я, там и был. Однако Третий принц говорит, что это сделал не “я”...»

Размышления не только не взбодрили его, но окончательно сморили. Му Сюэши повалился на траву, и вскоре раздался тихий храп. Изредка травинки падали ему на лицо, и он, раздражённо смахивая их, сворачивался калачиком и снова засыпал.

Третий принц присел на корточки и осторожно поднял Му Сюэши с земли. В тот миг, когда его руки коснулись Му Сюэши, неподалёку бесшумно распустился маленький молочно-белый цветок. Лепестки его раскрылись, подобно ручке зонтика, и лёгкий, едва уловимый аромат повис в зарослях трав, заставив Третьего принца ощутить, что даже в его объятиях человек этот благоухает.

В этот миг Третьему принцу вдруг захотелось, чтобы Му Сюэши был в сознании. Хотя прежде он ценил тишину и невозмутимость, сейчас ему хотелось видеть на его лице безмятежную улыбку.

Не в силах вынести вида грязи и травинок на Му Сюэши, Третий принц отнёс его в купальню своих покоев. Пол там был выложен императорским пурпурным кристаллом, а стены купального бассейна инкрустированы белым нефритом. У края бассейна стояли две милостивые служанки с подносами, на которых лежали душистая роса и чистая одежда.

Третий принц взглянул на служанок, и те, поняв его намёк, быстро поставили подносы на край и удалились.

Глядя на человека в своих объятиях, не подававшего никаких признаков пробуждения, на лице Третьего принца появилось выражение невиданной прежде мягкости. Он бережно снял с Му Сюэши одежду, обнажив тело, белое и гладкое, словно сгустившийся снег. Третий принц долго смотрел на это безупречное тело, и нежность в его глазах сменилась более глубоким, трепетным чувством.

Третий принц погрузился в воду вместе с Му Сюэши, и тот, ощутив тёплое течение, начал медленно просыпаться. Третий принц уже снял с его лица тонкую плёнку, и когда та чудесная красота полностью предстала перед его взором, Му Сюэши как раз открыл свои хрустально-чистые большие глаза.

Сознание Третьего принца помутилось; прежде он мог смотреть на это лицо совершенно бесстрастно, но сейчас, в такой обстановке, едва сдерживал свои чувства. Он медленно приблизился к Му Сюэши и прикоснулся губами к его губам.

Му Сюэши отчётливо понимал, кто его целует, но не испытывал ни малейшего отторжения. В отличие от того случайного поцелуя соперника, что навёл на него ужас, на этот раз вкус казался ему восхитительным. Он закрыл глаза, притворяясь, что ничего не знает, воображая,

что Третий принц — несравненная красавица. Только так он мог избежать чувства стыда.

Но в конце концов Му Сюэши обнаружил, что в его сознании запечатлелось лишь прекрасное лицо Третьего принца.

Рука Третьего принца медленно скользила по гладкой, нежной коже Му Сюэши, задержалась на алом бутоне груди и принялась нежно мять его. Тело Му Сюэши дёрнулось, и глаза его распахнулись.

— Это... — Му Сюэши покраснел и спросил:

— Ты меня трёшь?

Третий принц промолчал, лишь слегка наклонился, приблизив губы к уху Му Сюэши, и принялся нежно посасывать и облизывать маленькое изящное ушко, вызывая дрожь во всём его теле.

Му Сюэши дёрнулся, словно от удара током, и отпрянул в сторону, подняв в воздух две белоснежные руки и отчаянно ими размахивая, на лице застыла смущённая улыбка.

— Си... это... так нельзя! Это... это неправильно!

Взгляд Третьего принца в ночи казался необычайно глубоким, а его губы, алые, словно кровь, изогнулись в горделивой улыбке.

— Почему неправильно?

Столкнувшись с этим завораживающим взглядом, Му Сюэши начал запинаться:

— Это... неправильно... просто потому что... мм...

Не дав ему договорить, Третий принц снова притянул его к себе, и властные губы принялись оставлять следы на его тонкой, белой шее.

— А-ха-ха... — Му Сюэши вдруг расхохотался, разрушив всю романтическую атмосферу.

Третьему принцу это не понравилось, и из-под полуприкрытых век метнулись десятки ледяных стрел.

Му Сюэши, не замечая его взгляда, напустил на себя шуточный вид, пытаясь уговорить Третьего принца, да и себя самого, успокоиться.

— Я вспомнил, мы же оба мужчины! Так нельзя!

Третий принц фыркнул и сказал:

— В Поднебесной любовь между мужчинами — дело обычное. Чем же мы с тобой хуже?

Му Сюэши не понял, но, словно мышка, утянувшая лакомый кусочек, заёрзал, озираясь по сторонам в надежде отыскать безопасную норку, куда можно спрятаться.

Му Сюэши уже ощутил странные перемены в нижней части тела. Пусть он и был невинен, но такая реакция была ему знакома. Его охватил стыд, и он боялся, как бы Третий принц не заметил.

Третий принц, разумеется, уже всё заметил, и, видя его смущение, в душе лишь посмеялся.

Му Сюэши всё ещё нервничал, как вдруг почувствовал, что его «там» что-то схватило. Ротик его тут же раскрылся от изумления, и дрожащей рукой он потянулся вниз. Нащупав там что-то твёрдое, он попытался отодрать, но безуспешно — будто огромная клешня краба вцепилась мёртвой хваткой.

— Что происходит? — взывл Му Сюэши, обращаясь к Третьему принцу.

<http://bllate.org/book/15425/1364627>